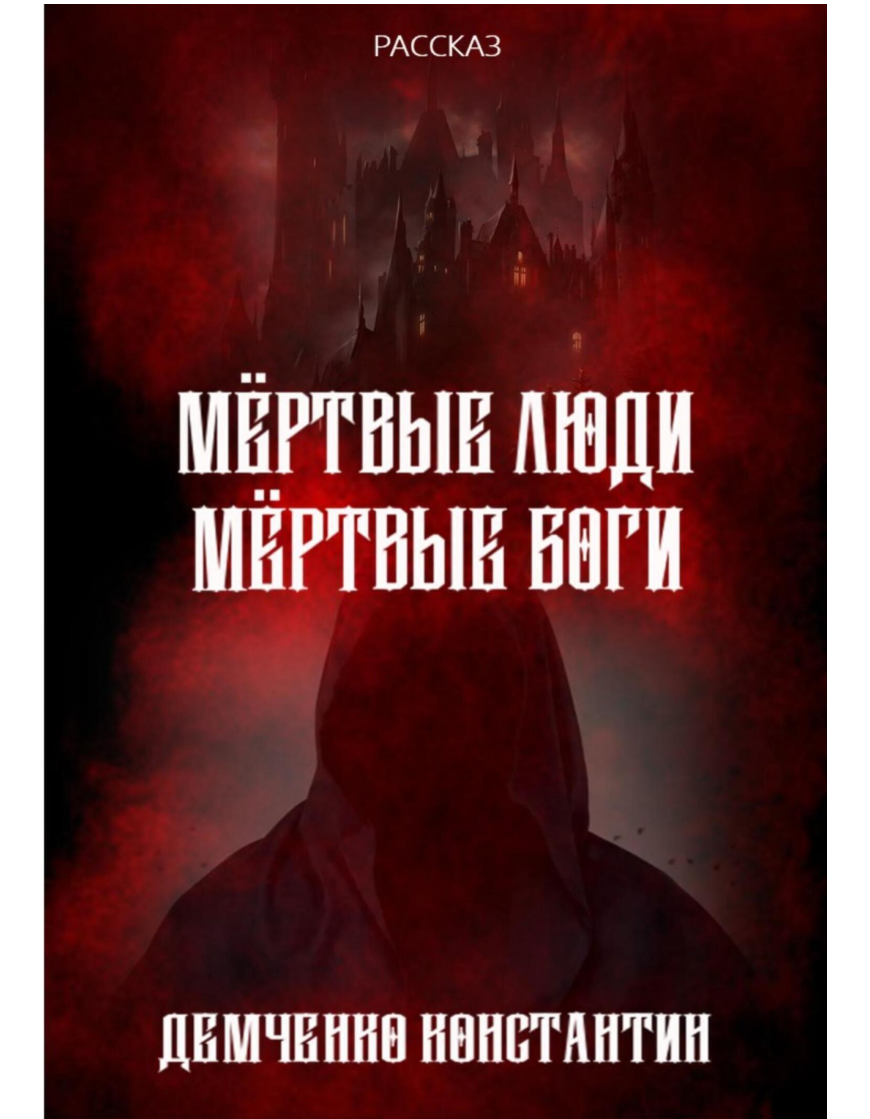

РАССКАЗ

МЁРТВЫЕ ЛЮДИ
МЁРТВЫЕ БОГИ

ДЕМЧЕНКО КОНСТАНТИН

Константин Викторович Демченко

Мёртвые люди, мёртвые боги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68358523

SelfPub; 2023

Аннотация

Много лет прошло с того момента, как беспощадные Великие Маги и их полчища пришли в наш мир и перекроили его под себя. Остатки людей стали рабами, их Боги канули в небытие. Но, как оказалось, не все люди покорились, и не все боги ушли. И они жаждут мести. И они готовы на всё.

Константин Демченко

Мёртвые люди, мёртвые боги

Тьма пряталась в углах огромной залы, освещаемой десятками факелов. Они горели слишком ярким алым пламенем с зелёными сполохами, таким, что сразу было понятно: это не огонь, дарящий тепло, да и свет их – скорее окрашенная тьма. Иная тьма.

Иногда пламя отчаянно трепыхалось, словно кто-то огромный набирал полную грудь воздуха и дул на него, что есть сил. Тогда чернота отбирала немного пространства у своей противницы, её щупальца стелились по полу и потолку, стремясь приблизиться к центру зала и достать до тех, кто там собрался. Но каждый раз пламя выравнивалось, вспыхивало чуть ярче, и тьма отступала, снова скрываясь в щелях, шипя и поскуливая.

Пятеро сидели в креслах с высокими спинками, устланных мехами и щедро украшенных золотом и драгоценными камнями. Каждое из кресел можно было бы назвать произведением искусства. Одно было драконом, выточенным из цельного куска чёрного камня: его голова нависала над сидящим, глаза мрачно блестели огромными рубинами, а с клыков, казалось, стекали капли яда – зелёные изумруды, его

крылья прикрывали хозяина с боков, а хвост был поднят и готов ударить. Второе застыло снежно-белым гориллоподобным зверем, поднявшим лапы с внушительными когтями и оскалившим огромную пасть. Третье, в виде кракена, распластало тёмно-бордовые конечности, задрав их концы, усыпанные присосками и крючками. Четвёртое тоже вышло из моря – отвратительного вида нефритовая рыбина, с узкой щелью рта и тысячью мелких зубов в нём, высоко задрала хвост и раскинула острые, как бритва, плавники. Пятое – свернувшийся кольцами бурый с красными прожилками червь, истекающий слизью.

В центре стояла огромная чаша, из глубины которой высоко поднималось то же самое ярко-алое пламя, что загоняло назойливый, но беспомощный мрак, обратно в тесные щели.

– Когда мы уже успокоим этих назойливых аборигенов, – подал голос сидящий на черве тощий, как скелет, человек с бледной полупрозрачной кожей, коротким седым «ёжиком» на голове и колючими глазами, зрачки в которых почти сливались с льдистой радужкой.

– Не успокоим, а упокоим, Арс. Они мне все кишки уже вымотали, – отозвался, причмокивая губами и как будто захлёбываясь собственной слюной, толстяк, расплывшийся своей тушей на теле кракена.

– У тебя и кишок-то нет, Тэн, – проворчал глубокий старик с окладистой седой бородой и испещрённым глубокими морщинами лицом, потирая поднятый вверх ус тёмно-зелё-

ной рыбы, образующей подлокотник, – Непонятно, зачем ты вообще ешь... Но тут с тобой не поспоришь: надоели эти недобитки.

– А я предлагал вычистить тут всё с самого начала, – встрял выглядевший лет на тридцать смуглокожий здоровяк в нескромном наряде, не скрывающим рельефную мускулатуру, – Залили бы эти их Навь, Явь и Правь Проклятым пламенем, и дело с концом.

– И кого бы ты тогда заваливал к себе в койку, Лир? Кривозубых гоблинш и вонючих орчанок? А может быть эльфиек, холодных, как лёд, так и норовящих воткнуть отравленную иглу тебе в глаз? А кормил бы нас кто? Косорукие...

– Ладно, ладно, я понял, – поднял руки вверх Лир, – но уж тёмных божков точно надо было отправить в их собственный ад вслед за светлыми. Людишек бы тоже проредили, но ведь не всех же. Плодятся они, как кролики, через пару десятков лет поголовье бы уже было достаточным. Да мы бы ещё помогли...

– Да уж, ты бы помог, не сомневаюсь, – уже тише проговорил старик, успокаиваясь, – твоих отпрысков уже и не считать...

– А чего их считать: сколько есть, столько есть – всё равно они никчёмные полукровки.

– Как бы эти полукровки не приняли часть твоей силы, Лир...

– А примут – и ладно, – с вызовом ответил полуголый пи-

жон, – заберу их к себе, выдрессирую, будут моей личной гвардией. А то мне эти тупые клыкастые морды уже вот где сидят! А если будут девки, то сделаю из них отряд телохранительниц-удовлетворительниц, – пошутил он и засмеялся, донельзя довольный собственным чувством юмора.

Его никто не поддержал.

– Среди людишек и так стало слишком много Жрецов, и божки их всё больше поднимают головы. Жрецы приносят жертвы, божки становятся сильнее, они делятся силой со Жрецами, те приносят больше жертв... Когда-нибудь это может стать проблемой, – заметил Арс обманчиво безразличным тоном. – А ты ещё даришь им своё семя... Может, тебя кастрировать?

Лир взвился со своего места, оскалится, глаза его налились кровью, или что там у него было вместо неё, и уже хотел было что-то заорать, но не успел: в разговор вступил пятый присутствующий, мужчина средних лет с аккуратно подстриженной чёрной бородкой и такого же цвета длинными волосами, заплетёнными в десятки косичек, лежащих на плечах. До этого он сидел, откинувшись на грудь дракона, с полуприкрытыми глазами.

– Я не вижу будущего, – тихо прошептал он.

Лир застыл на мгновение, потом сел на своё место, иногда бросая гневные взгляды на Арса, но не смея и пикнуть. Остальные тоже молчали, глядя на заговорившего и ожидая продолжения. Минута проходила за минутой, но никто не

пробовал переспросить или поторопить его.

Наконец, тот открыл глаза, в которых отразились алые язычки пламени, и повторил, почти без эмоций, можно было уловить только тень удивления:

– Я не вижу будущего. Тьма впереди.

Босоногий чумазый мальчишка лет десяти, стиснув зубы и время от времени ругаясь вполголоса, волочил за собой огромную вязанку хвороста. Торчащие во все стороны ветки задевали камни, цеплялись за высокую траву, росшую вдоль тропинки, но он не сдавался – сегодня в первый раз за восемь дней они смогли выйти из деревни, запасы топлива уже подходили к концу.

Отец остался в лесу: его вязанка будет раза в два больше, чем у сына. Конечно, было бы неплохо свалить пару деревьев посуше и нарубить нормальных дров, но это могли бы услышать чуткие орочи уши. И тогда орда бы вернулась, и у них был бы повод зайти в деревню и взять «компенсацию за несанкционированное уничтожение зелёных насаждений на чужой территории». Сами орки таких умных слов не знали, они только и могли, что реветь «Моё!» и «Дай!», но так было написано в грамоте, которую в деревню привезли представители Великих Магов, чтобы они сдохли... Хотя, нет, если сдохнут маги, то оркам будет некого бояться, и они придут не за едой, а за кровью. Пусть маги живут, по крайней мере, пока...

Навстречу мальчишке из чащи метнулась тёмная фигура, он даже вскрикнуть не успел, как одна ладонь, затянутая в шершавую перчатку, закрыла ему рот, другая легла на шею и слегка надавила. Мальчишке этого хватило: глаза его закатились, и он начал падать, но неизвестный подхватил его тело и, закинув на плечо, скрылся в зарослях. На тропинке осталась только никому теперь не нужная вязанка хвороста.

Отца мальчишки схватили через несколько минут: он даже не увидел, откуда вылетела стрела с тяжёлым тупым наконечником. Сотрясение мозга, а может, что и похуже, бе-долаге было гарантировано, но это уже не имело значения – жить ему всё равно оставалось недолго.

С деревней тоже управились быстро: стрелами сняли осл-овевшего от жары часового, после чего большая часть нападавших перемахнула через невысокий частокол и на-чала методично осматривать кособокие избы, глуша всех встречных-поперечных. Нескольких отчаянных, попытав-шихся скрыться, сняли оставшиеся за частоколом лучни-ки. Сработано было почти чисто: пришлось вскрыть глот-ки только троим, попытавшимся оказать сопротивление, да одному младенцу на которого не подействовал дым дур-ман-травы, и он начал орать, как только его оторвали от гру-ди матери, полечившей лёгкий удар по темечку. Мелкого, конечно, было жалко терять – такие Тёмным богам милее всего.

Хлипкие ворота открыли, и внутрь завели две телеги, в ко-

которые, словно мешки с картошкой, покидали связанные тела деревенских. Кто-то был без сознания, кто-то уже пришёл в себя, и некоторые из них, единицы, пытались выплюнуть кляпы и что-то сказать захватчикам, закричать, позвать на помощь, надеясь только на ненавистных орков, расслабить путы, но большинство безучастно смотрели прямо перед собой, уже зная, что их ждёт впереди – от Жрецов ещё никто не возвращался.

Через несколько минут деревня опустела, тишину нарушало только поскуливание собаки, которая успела спрятаться в тёмном углу сарая, и проявила достаточную сообразительность, или трусость, чтобы не выбежать, лая, навстречу незнакомцам и получить саблей по морде.

Телеги, тем временем, катились по узкой лесной дороге, укрытой сверху густыми кронами деревьев. Всадники, полностью укутанные в чёрные свободные одежды, так что были видны только глаза, ехали спереди и сзади, почти не опасаясь нарваться на патрули орков: местная орда уже прошла, другие на чужие территории заходили крайне редко – только если очень хотелось помахать ятаганами. Да и ближние и дальние дозоры в случае чего должны были вовремя предупредить о неприятностях. Единственно, кого стоило опасаться, так это эльфов, но они тоже не любили орочи угождать (им и своих лесов хватало), и здесь они оказывались только по прямому приказу Великих Магов, для которого сейчас причин не было – ни стычек, ни бунтов, ни отказов запла-

тить налог на этих землях не было уже давно.

Через пару часов отряд свернул с дороги и исчез в, казалось бы, непролазной чаще, вскоре добравшись до подножия невысоких гор, скорее даже холмов, с лишь кое-где выходившими на поверхность тёмно-серыми скалами. Лес вплотную подступал к их склонам и даже местами забирался по ним почти до самых вершин. Всадники спешили, один из них подошёл к отвесному в этом месте склону, опустился на колени, наклонился и прижался лбом к усыпанной мелкими камешками земле. Молился?

Если да, то его молитвы были услышаны: огромный валун, как оказалось, закрывавший проход, отвалился в сторону, и весть отряд скрылся в темноте пещеры. Камень вернулся на своё место как только последний человек переступил порог, а из лесу выскочило несколько фигур в чёрном, которые внимательно осмотрели землю, выискивая и удаляя малейшие следы, которые могли бы выдать присутствие людей и лошадей, прошлись перед входом метёлками, собранными из ветвей деревьев, достали маленькие склянки и скупно обрызгали траву и листву деревьев и кустов, уничтожая запахи. И даже эльфы или ороczyи варги не смогли бы теперь отыскать вход в подземелье. Справились бы разве что призванные демоны, но они были редкими и дорогими гостями: за работу они требовали души, которые были нужны самим Великим Магам.

Отряд продолжал свой путь в темноте, освещаемой лишь

неверным светом нескольких факелов. Пещера была сухая: никаких сталагмитов или сталактитов, сочащихся с потолка капель и плесени, пол был довольно ровный, так что никто не запинаясь, а тишину нарушали только поскрипывавшие под колёсами телег камешки. Через несколько минут проход перегородила стена, ничем не отличавшаяся от остальных.

На этот раз обошлось без молитв: один из чёрных снял перчатку и приложил открытую ладонь к стене. Под ней тускло вспыхнуло и через пару мгновений погасло, а часть стены с еле слышным шипением спряталась в полу. Отряд продолжил путь.

Место, в котором они оказались, было явно создано руками человека: одинаковые тёмно-серые и гладкие стены, пол и потолок, каждые пять метров сверху выступали матовые, тускло светящиеся панели, на стене, противоположной от той, через которую они прошли, кое-где имелись неглубокие ниши с железными дверями и нанесёнными на них буквами и цифрами. Далёкое прошлое, сохранившееся под толщей горных пород, вылитое в бетоне, металле и практически вечном пластике...

А вот настоящее было в виде надписей и символов, написанных чем-то бурым – руны, клинопись, непонятные буквы, пиктограммы. На первый взгляд это была ничего не значащая мешанина и тарабарщина, но только для непосвящённых, для таких, что лежали вповалку в телегах. А для Жрецов это было жизнью.

Отряд остановился у одной из дверей, которая тоже открылась от прикосновения ладони. Чёрные начали стаскивать людей с телег, развязывать им ноги и заталкивать внутрь, гоня по коридору к тусклому свету, бьющему с другого его конца. Там их встречали и гнали дальше – в большие клетки, стоявшие по всему периметру огромного помещения. Почти все уже были заполнены худыми и грязными обитателями, безразлично наблюдающими за пополнением.

Когда двери клеток захлопнулись, и были заперты на замки, один из чёрных пошёл в центр зала, где, оказывается, стоял ещё один в чёрной одежде, только не в комбинезоне, а в просторном балахоне с глубоким капюшоном.

– Это последние, Ближний, – проговорил боец, – Теперь их больше пятисот.

– Хорошо, – донеслось из-под капюшона, – Обряд состоится завтра.

Боец склонил голову и произнёс, приложив ладонь, сжатую в кулак, к груди:

– Служу Человеку, – и, опустив голову ещё чуть ниже, закончил, – Служу Древним Богам.

Боец развернулся и прошёл в коридор, его люди последовали за ним, унося с собой факелы. Помещение погрузилось в крошечную тьму, наполненную всхлипами, шуршанием, стонами, тихим плачем, еле слышным бормотанием.

Ближнему темнота несколько не мешала. Он ещё некоторое время стоял не двигаясь, впитывая страх, боль и злость,

сочащиеся из клеток. Ему нравилось, когда привозили свежих: надежда ещё жила в глубине их сердец, заставляя кровь бежать по венам, вынуждая их чувствовать, не позволяя забыть, как это – жить.

Через несколько дней большинство из них превратились бы в бессловесных и безразличных ко всему животных – дело не только в постоянной темноте и драках за пищу и место поудобнее, дело в самом воздухе, пропитанном эманацией Древних Богов, жестоких, кровожадных, беспощадных.

Но они не успеют: обряд состоится завтра.

Ближний слегка приподнял голову и пошёл вглубь зала, к двери, ведущей во внутренние покои, туда, где обычный человек не выжил бы и секунды. А он человеком уже не был, даже необычным: ему не нужен был свет, чтобы видеть, не нужна была пища, чтобы питать тело, не нужен был воздух, чтобы дышать... Он был Ближним, приближённым к Древним Богам, вобравшим часть их силы и сам ставший её частью.

Абсолютная темнота всколыхнулась, пошла рябью, натянулась, не выдержала и порвалась в нескольких местах, пропуская в себя нечто, бывшее и чуждым, и ею же самой одновременно. Клубы пришлой тьмы становились всё больше и плотнее, засветились багровым цветом, и, в конце концов, превратились в пять фигур.

Старик с седой, словно щедро посыпанной пеплом, голо-

вой, такого же цвета густыми усами, концы которых опускались много ниже подбородка, сжимал в руках кривую палку.

Женщина, непонятно, красивая или нет, в чёрном плаще на голое тело, который не скрывал её ноги, как будто тронутые гнилью.

Существо с телом льва и человеческой головой, увенчанной бычьими рогами.

Ещё одна женщина с тёмно-синей кожей, четырьмя руками и ожерельем из человеческих черепов.

Мужчина в доспехах и шлеме в виде львиной головы, сжимающий в руках круто изогнутый меч.

Они не смотрели друг на друга – не было в этом ни нужды, ни потребности. Да и желания тоже. Они знали друг друга слишком хорошо, тысячи и тысячи лет лова рыбы в одном мутном омуте, наполненном человеческими страстями, грехами и желаниями. Всё то время они старались не замечать друг друга: рыбки всегда было больше, чем им было необходимо, не нужно было тратить силы на бессмысленные схватки. Время текло мимо них, успокаивающе плеская волнами, усыпляя первородные инстинкты... И они пропустили тот момент, когда их потихоньку начали отодвигать от кормушки новые персонажи, которым хотелось всё больше и больше, и вскоре их назвали Древними и совсем отогнали от омута, ладно хоть не развоплотив, а разрешив довольствоваться изредка долетающими брызгами да требухой.

Многие Древние, в основном те, что считались Светлыми,

не выдержали такого существования и растворились, другие, большинство из которых можно было назвать Тёмными, впали в спячку, третьи пошли в услужение к Новым, преклонив колени и поклявшись вечно быть рабами.

Но вечности не случилось. Новые Боги, как и Древние до них, потихоньку начали терять хватку, проигрывая врагу, с которым не ожидали встретиться – неверию. Но они до унижительного, но спокойного забвения не дотянули.

Великие Маги, не менее могущественные, чем Боги, вторглись в их вотчину и пригнали с собой миллионные полчища орков, эльфов, гоблинов, драконов и других чудовищ, испепеляя всё вокруг алым пламенем, засыпая ледяными иглами, заливая разъедающими ядами. У них был свой собственный источник силы, потому местный они безжалостно выжгли вместе с Богами: и Новыми, и Древними.

От человечества остались жалкие крохи, которые Великие Маги решили не уничтожать окончательно – люди кое в чём оказались полезными.

Но и новые хозяева мира не были застрахованы от ошибок: не все Древние были уничтожены, те, что спрятались дальше всех в норах мироздания и впали в глубокую кому, пережили геноцид и, разбуженные дрожью мировых основ, вернулись из небытия, и к ним обратились взоры и мольбы выживших людей. По крупинке, по капельке начали набирать силы Древние, открывая людям давным-давно забытые ритуалы – кровавые, жестокие, но эффективные, делясь

с избранными крупицами вновь обретаемой мощи и взамен получая ещё больше. Шаг за шагом приближались Древние Боги и люди к своим целям – возвращению и отмщению.

Решающий час был близок, и они собрались вместе, чтобы объединить свои силы в последнем ударе возмездия.

Чернобог.

Хель.

Ариман.

Кали.

Нергал.

Воскресшие Древние Боги.

Ближний зашёл в жертвенный зал. За ним следовало два десятка фигур в таких же чёрных балахонах, что и у него. Половина несла в руках факелы, которые тут же были установлены в специальные пазы в полу. Они стали вершинами сложной ломаной фигуры, вырезанной в бетоне, в которую были вписаны самые разные символы и знаки. Пленные в клетках затихли, наблюдая за происходящим и чувствуя, что пришли по их душу, причём в самом что ни на есть прямом смысле.

Люди в балахонах отступили в темноту, и Ближний остался стоять в одиночестве в самом центре, освещаемый ровным светом факелов. Он сложил руки на груди и начал вещать:

– Настал великий день. Сегодня человек будет отмщён.

Маги и их мерзкие слуги будут стёрты с лица земли, а прах их станет удобрением для новой жизни. Мы все многим пожертвовали ради наступления этого дня, но не жалеем об этом. Я знаю, и вы готовы на всё. Так радуйтесь же, ибо сегодня жертва, которую вы принесёте, уничтожит наших врагов, а человека вернёт на вершину мира. И над нами будут только Воскресшие Древние Боги, что не оставили своих детей, – голос его взлетел к невидимому в темноте своду и там взорвался, наполняя собой весь огромный зал. – К тебе обращаюсь я, Чернобог! К тебе, Хель! К тебе, Ариман! К тебе, Кали! К тебе, Нергал! Примите нашу жертву!

Он затянул заунывную песнь, в которой невозможно было распознать хоть одно слово, а мелодия отсутствовала напрочь.

Это послужило знаком для остальных Жрецов, которые подошли к первой клетке, отперли замки и начали выволакивать пленников одного за другим. Никто не сопротивлялся – в их последнюю пищу добавили трав, что не трогали разум, но тело превращали в мешок, набитый ватой.

По одному их подтаскивали к освещённой фигуре Ближнего, ставили на колени, запрокидывая им головы, и он, не прерывая пения, одним выверенным взмахом вскрывал жертве глотку. Жрецы дожидались, когда поток крови иссякнет, оттаскивали тело и подводили нового.

Те же, что оставались в клетках, смотрели не в силах отвести глаз от бесконечных багряных потоков. Каждая следу-

ющая перерезанная глотка приближала их самих к фигуре Ближнего с клинком в руке и неизбежной смерти. Ужас и безысходность заполняли их души, делая их смерть ещё более желанной Древним Богам.

Несколько часов безуданно поднималась рука Ближнего, лилась кровь и наполняла вырезанные в полу канавки, но никак не могла перелиться через край – она словно впитывалась в ставший невозможно тяжёлым воздух. И дарила очередную порцию силы тем, кто её так ждал. Тем, кто сейчас впитывал души тысяч жертв, приносимых в десятках подземных убежищ.

Еще немного, ещё чуть-чуть...

– Я готов, – хриплый глубокий голос старика с кривой палкой в руке разорвал тишину.

Вся его фигура излучала силу, багровое сияние, от него исходившее, выжигало первозданную тьму, глаза горели чёрным недобрым огнём, готовым вырваться в мир и сожрать всё, что встретиться на его пути.

Впрочем, то же самое можно было сказать и об остальных четверых: Древние Боги в этот момент были могущественны, как никогда. Да, их последователи малочисленны, зато веру и жертвы не надо делить ни с кем другим. Их пятеро, а не пятьсот.

– Готов, – один за другим произнесли Древние.

Одновременно они подняли руки, и из них полились по-

токи чистой силы, столкнувшиеся в одной точке. Богам не нужны были заклятия и пассы руками, нарисованные фигуры и редкие ингредиенты – когда-то они сами участвовали в создании этого мира и устанавливали законы бытия.

Реки времени не пробивались в их укрытие, обтекая его и скрывая от любопытных глаз, потому невозможно сказать, когда в месте слияния потоков сил возник небольшой чёрный комочек, похожий на шаровую молнию, то и дело выстреливающий протуберанцами.

Древние опустили руки и, как будто безразлично смотрели на своё творение.

– Да, это то, что уничтожит пришлых, – проговорила Хель.

– Их тела, – добавил Ариман.

– Их разум, – подтвердил Нергал.

– Их души, – молвила Кали.

– Да будет так, – изрёк Чернобог.

Он коротко взмахнул своей палкой, и шарик исчез, не оставив после себя и следа.

Маги молчали, ожидая продолжения, но их собрат застыл в задумчивости, не закрывая глаз, явно смотря не на слегка колышущуюся ткань гобеленов или пламя факелов, а куда-то дальше, за пределы крепких стен цитадели.

Наконец, от встряхнул головой, и сложил руки перед лицом:

– Я не вижу будущего, – тень удивления в его голосе сменилась густым запахом беспокойства, – И там не просто тьма. Там их тьма.

– И что это значит, Хал? – не удержался Лир, – Чья это – их? Я не понял.

– Их – это местных, – пояснил Арс с плохо скрываемым презрением, так что различить его могли все, кроме самого Лири, толстокожего и недалёкого.

– Местных?! – воскликнул Лир, – Да что они могут, кроме как подбирать с пола жалкие крохи Силы?! Да и то, только потому, что эти их жрецы режут глотки своим соплеменникам... Мы их раздавим, как червей!

– Не стоит недооценивать силу крови, – возразил старик, – тем более, когда её проливают братья...

Лир не успел ответить.

Прямо над чашей с ярко-алым пламенем из ниоткуда появился маленький чёрный шарик, похожий на окунувшееся в чернильницу солнце. Пламя тут же взвилось, окутало его со всех сторон и уже победно загудело, пожирая неизвестную субстанцию, но вдруг отпрянуло, опало, прижалось к чаше, будто пытаясь спрятаться... Поздно. Чёрные щупальца уже вцепились в его дрожащие языки и последовали вслед за ними, питаясь ими и превращая их в себя.

Маги только успели вскинуть руки и открыть рты, как шарик будто взорвался, увеличившись в тысячи раз и превратившись в непроницаемое облако, заполнив почти весь

огромный зал. А внутри его погибали Великие Маги: тела расплывались, словно свечки, разумы распадалась, души становились частью своего убийцы, делая его ещё сильнее.

Чёрные клубы тьмы стали расползаться по цитадели, проникая сквозь почти незаметные щели, приоткрытые оконца, распахнутые двери, растворяя тела живых, отмеченных печатью Силы, уничтожая разум и души существ, у которых они были, но лишь пугая бессловесных тварей, у которых их не было. Клубы теряли насыщенность, становились всё прозрачнее, распространялись чуть медленнее, но это не значит, что они теряли силу – наоборот, с каждой поглощённой душой мощь их росла.

Тьма вышла за пределы цитадели, растеклась по лежащим вокруг лугам, обволокла густые чащи и светлые рощи, медленно, но неостановимо полилась всё дальше и дальше.

Разумные пытались спрятаться за высокими стенами замков, в глубоких подземельях, высоко в горах и посреди океана, они проводили древнейшие ритуалы и складывали целы горы из тел принесённых в жертву, молились и проклинали, но Мор, так называли чёрный туман, не знал границ и преград, укрывая своим чёрным саваном океаны и континенты. Идеальный убийца, смерть в абсолюте – таким его создали. Жрецы отомстили захватчикам, Древние Боги вернули мир себе.

Было только одно маленькое «но»: Мор поглощал людей с тем же успехом, что и орков, эльфов, гоблинов и всех

остальных. Что стало причиной этому? Злой умысел высших существ или их роковая ошибка? Они оказались преступно глупы или предательски неосторожны? Причины уже не имели значения.

Чернобог, Хель, Ариман, Кали и Нергал пытались остановить Мор, когда осознали, что он не только уничтожает пришлых, но и иссушает тот самый омут, откуда они черпали силу. Тщетно. Они создали Мор в апогее своего могущества и уже не были способны достичь его вновь.

Ближний стоял на вершине самой высокой башни цитадели, принадлежавшей раньше Великим Магам. Всё, что он видел своими глазами, и всё, что оставалось вне поля его зрения, теперь принадлежало ему. Ему и его Богам. Навечно, ведь он, так же как и они, был практически бессмертен.

И лишь одно маленькое «но» не позволяло назвать себя победителем: все разумные были уничтожены, в живых остались только он и ещё с десятков таких же, да и то потому, что они людьми уже не были, став лишь отражением своих Богов на тонкой плёнке реальности. Сами же Боги вынуждены были снова заснуть таким сном, что с трудом можно отличить от небытия. Когда-нибудь прервётся даже это подобие существования, и они исчезнут окончательно.

Древние Боги станут Богами Мёртвыми.

Ближний умрёт раньше, много раньше. Но он бы хотел сделать это сейчас, чтобы не чувствовать, как каждая секун-

да отрывает от его сущности микроскопическую частицу, как медленно растворяется в воздухе его дух. А ещё, пусть он и перестал быть человеком, он помнил ради чего это произошло. Он смотрел на лишённый человечества мир и понимал, что это его вина.

Ох хотел умереть, но не мог, ведь он был практически бессмертен.